

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

ВЕЛИЧЬЯ НАШЕГО ЗАРЯ

Том первый. МЫ ЧУЖДЫ ЛОЖНОГО СТЫДА!

Том второй. ПУСТЬ КОНСУЛЫ БУДУТ БДИТЕЛЬНЫ

ВАСИЛИЙ
ЗВЯГИНЦЕВ

ВЕЛИЧЬЯ НАШЕГО ЗАРЯ

Том второй

ПУСТЬ КОНСУЛЫ БУДУТ БДИТЕЛЬНЫ

ЭКСМО

МОСКВА

2014

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
3-45

Оформление серии *Е. Савченко*
Серия основана в 2003 году
Иллюстрация на обложке *А. Дубовика*

Звягинцев, Василий Дмитриевич.

3-45 Величья нашего зря. Том 2. Пусть консулы будут бдительны : фантастический роман / Василий Звягинцев. — Москва : Эксмо, 2014. — 416 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-76621-5

Это из зрительного зала кажется, что марионетки пляшут сами по себе, а стоит зайти за кулисы, тут тебе и картонные домики, и барабан вместо грома и кукловод, который, умело дергая за ниточки, создает целый мир и заставляет нас поверить в его реальность. Но кукловоду не всегда удастся оставаться невидимым, приходит время и ему выйти на поклон к публике. Так получилось и на этот раз, третья сила, загадочный «кукловод», который постоянно вмешивался в дела «Андреевского братства», вынужден был проявиться и стать доступным для общения с оппонентами. Чем не замедлили воспользоваться Вадим Ляхов и Дмитрий Воронцов, каждый со своей стороны приложивший максимум усилий, чтобы наконец добраться до источника и инициатора глобальных комбинаций на шахматной доске истории. Станет ли эта партия решающей и для кого?

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-76621-5

© Звягинцев В., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Опять, народные витии,
За дело падшее Литвы
На славу гордую России,
Опять шумя, восстали вы.
Уж вас казнил могучим словом
Поэт, восставший в блеске новом
От продолжительного сна,
И порицания покровом
Одел он ваши имена.

Что это: вызов ли надменный,
На битву ль бешеный призыв?
Иль голос зависти смущенной,
Бессилья злобного порыв?..
Да, хитрой зависти ехидна
Вас пожирает; вам обидна
Величья нашего заря.
Вам солнца божьего не видно
За солнцем русского царя.

Давно привыкшие венцами
И уважением играть,
Вы мнили грязными руками
Венец блестящий запятнать.
Вам непонятно, вам несродно
Всё, что высоко, благородно;
Не знали вы, что грозный щит
Любви и гордости народной
От вас венец тот сохранит.

Безумцы мелкие, вы правы.
Мы чужды ложного стыда!
Так нераздельны в деле славы
Народ и царь его всегда.
Веленьям власти благотворной

Мы повинuemся покорно
И верим нашему царю!
И будем все стоять уперно
За честь его, как за свою.

Но честь России невредима,
И вам, смеясь, внимает свет...
Так в дни воинственного Рима,
Во дни торжественных побед,
Когда триумфом шёл Фабриций
И раздавался по столице
Восторга благодарный клик,
Бежал за светлой колесницей
Один наёмный клеветник.

М. Лермонтов. 1835 г.

Как конквистадор в панцире железном,
Я вышел в путь и весело иду,
То отдыхая в радостном саду,
То наклоняясь к пропастям и безднам.

Порою в небе смутном и беззвездном
Растёт туман... но я смеюсь и жду,
И верю, как всегда, в мою звезду,
Я, конквистадор в панцире железном.

И если в этом мире не дано
Нам расковать последнее звено,
Пусть смерть приходит, я зову любую!

Я с нею буду биться до конца,
И, может быть, рукою мертвеца
Я лилию добуду голубую.

Н. Гумилёв

ГЛАВА ПЕРВАЯ

 оронцов с Арчибальдом вполне дружелюбно беседовали, сидя в любимом баре Дмитрия, ещё в том, что он сумел создать силой воображения в свой первый день появления в Замке. Когда вообще никакого «Братства» ещё не было и сам он совершенно не понимал, как и для чего Антон организовал его перемещение. Вот как иногда заканчиваются со-

Примечание к титулу. Videant consules, ne quid res publica detrimenti capiat (лат.) — «Пусть консулы будут бдительны, дабы государство не претерпело ущерба». Формула чрезвычайного сенатского постановления (senatus consultum ultimum) в Древнем Риме, означавшая введение чрезвычайного положения с предоставлением консулам диктаторских полномочий. Употребляется как предупреждение об опасности, как призыв к бдительности.

★ —
вершено невинные и ни к чему вроде бы не обязывающие разговоры со случайно встреченными людьми. Впрочем, гораздо раньше и лучше этот постулат сформулировал Булгаков.

Но его почти что врождённая привычка легко относиться к любым поворотам судьбы здесь, в Замке, только укрепилась. И «самопровозглашённого человека», если употреблять современную стилистику, он воспринимал без тех предрассудков, что ощущались у некоторых его соратников. Они — это они, а Воронцов начинал свою сольную партию здесь, он её и продолжит, невзирая на... Мало ли что в данный момент некоторая часть Замка приняла такой вот *антропоморфный* образ. Не в этом же совершенно дело.

Дмитрий в самые первые минуты «знакомства» ощутил с этим немислимой природы существом (именно существом, не безличным объектом он сразу воспринял Замок) взаимную приязнь, так оно и продолжалось. А Арчибальд что? Звучит, может, немного кощунственно, но нельзя ли провести аналогию между парами: «Арчибальд — Замок» и «Бог-отец и Христос»? И та и другая существовали одновременно, были, как говорится, «единосущны», но по всей имеющейся информации Иисус в период своего земного существования и был Богом, и одновременно им, безусловно, не был, сохраняя полную человеческую сущность. Иначе к кому бы он обращался с мольбою: «Да минует меня чаша сия!» К самому себе, что ли?

То же самое и относительно взаимного позиционирования Арчибальда и Замка. Первый, об-

ладая набором отпущенных ему для выполнения задания способностей, никоим образом не равновелик породившей его Сущности. Которая, в свою очередь, тоже кем-то изготовлена, выращена или на крайний случай — *допущена* к автономному существованию, являясь всего лишь порождением случайного сочетания атомов или нейронных связей Мировой сети.

Дмитрий усмехнулся: сейчас бы ему в компанию Шульгина, в той его ипостаси, где он подражает Арамису из «виконтовского» трёхтомника. Потешились бы они богословским спором за стаканчиком амонтильядо...

— Ты подбери мне одежду, чтобы я именно с твоей точки зрения выглядел достойным членом клуба, да и пойдём, — сказал он, отставляя бокал с недопитым соком манго. Негромко звякнули о хрусталь кусочки льда.

— Ты хочешь изображать нынешнего члена клуба или?.. — спросил Арчибальд, который, несмотря на своё безразличие к условностям, тоже чувствовал себя с этим собеседником гораздо комфортнее, чем с Сильвией, например.

Воронцов это сразу заметил и подумал, что любые рассуждения о «человеческом» и «нечеловеческом» разумах заведомо бессмысленны. На самом деле — Замок на второй день знакомства извлёк из памяти Дмитрия очень глубоко запрятанное воспоминание о его неудачной любви. Сумел разобраться в психологии Натальи прошлой и смоделировал её нынешнюю. На ос-

новании этого создал сначала голографическую копию, а потом разыскал в далёкой Москве прототип и *дистанционно переформатировал* вполне взрослое и самостоятельное существо под представления уже другого Воронцова, изменившегося и под влиянием самого пребывания в Замке, и в ходе знакомства с «макетом» женщины, которую считал навсегда потерянной. И самое главное — Наталья после всего этого сохранила и лучшую часть своей подлинной личности и стала воплощением придуманного идеала. Причём — эта мысль пришла Воронцову в голову только что — он ведь так и не понял, чей «придуманный идеал» воплотил Замок, его или самой Натальи?

Но если это так, то он смог бы сделать то же самое с любым человеком на Земле. Превратить умирающего Брежнева обратно в стройного красавца, придав ему заодно тонкость и изощрённость мысли Макиавелли, красноречие Дизраэли и реформаторский настрой Петра Великого, разбавленный мудростью и кротостью Серафима Саровского, вместе с эрудицией... Ну, хоть академика Лихачёва. Как бы тот реформировал СССР и саму идею социализма? Но Замок этого не сделал. Потому что это не по силам даже ему или?..

А вот тут возникает очередной *проклятый* вопрос — как можно судить, что Замок с кем-то сделал или не сделал? Контрольного-то образца под руками не имеется. Что, если необходимые изменения давно произведены и всё обстоит, как описал Марк Твен в «Таинственном незнакомце»? Предложенный вариант — лучший из возможных. Просто мы не в состоянии представить, что в «моральном кодексе» высшего существа

считается «лучшим», а что «худшим». Вернее — наши и его представления на эту тему настолько расходятся...

Вот Замок свёл Антона с Дмитрием на ступенях Ново-Афонского храма, преследуя какие-то свои цели, и с этого момента потянулась совершенно другая цепочка причин и следствий¹, пока что весьма и весьма для Воронцова благоприятных. Но для миллионов людей, втянутых в эту же, совершенно не предусмотренную прежним «колдованием жизни» воронку событий — полная катастрофа, нравственная, а то и физическая.

Новиков как-то предположил, что так называемая «перестройка» и всё с ней связанное как раз и случилось оттого, что именно в этот момент вся их компания окончательно сформировалась, начала действовать, смешала карты и агграм, и форзейлям, а потом вообще исчезла с Главной Исторической (а можно ли её теперь так называть?) последовательности. Даже только это — благо или зло? Вот, к примеру — ты сделал нечто, и вследствие этого, допустим, началась война. Некий условный человек попал на неё и провоявал четыре года, ежедневно эту войну и все свои тяготы и лишения проклиная. Но откуда ему знать, что не начнись война, он поехал бы кататься со всей многочисленной семьёй на велосипедах, и все они погибли бы под колёсами самосвала, управляемого пьяным водителем. И этот пример касается каждого из миллионов людей по обе стороны фронта.

¹ См. роман «Одиссей покидает Итаку» — «Критерии отбора».

Нет, Замок сам по себе, или нахождение в нём, влияет на Дмитрия очень странным образом. Сейчас, например, на философствования потянуло, а первый раз — на подвиги, и не только военные.

— Я хочу, чтобы мы прямо сейчас отправились в тот Лондон, где ты развлекался в «Хантер-клубе», — прервал грозящий стать беспосадочным полёт своего воображения Воронцов. — В имперской реальности, в день, отстоящий на две недели от планируемого нападения на Россию. Если это не создаст какого-то парадокса или анахронизма. Там ты потребуешь у премьера немедленной аудитории...

— Нет проблем. Но в качестве кого ты хочешь появиться перед Уоллесом? Членов клуба он знает всех...

— А ты используй свои *сверхъестественные способности* и вспомни человека, который может считаться там одним из предводителей того, что наши конспирологи называют *Мировой закулисой*. Она ведь наверняка существует, в том или ином виде, и кто-то ею руководит. Ваш «Хантер» — средоточие олигархов¹ «Системы», а

¹ У нас принято называть олигархами лишь людей, обладающих гигантскими, как правило, нечестно нажитыми состояниями, даже безотносительно к их отношению к государственной политике. На самом же деле «олигархия» — «власть немногих» (греч.) — государственное устройство, где вся полнота власти принадлежит узкой группе лиц, объединённых каким-то общим признаком (богачи, военные, верхушка криминала, Политбюро ЦК КПСС). Олигархи могут быть практически нищими — у членов Политбюро и самого Сталина не было никакой собственности, кроме немногих личных вещей, но — абсолютная полнота власти.

что на ступеньку или две выше? Ну?! Кто бреет цирюльника?¹

Лицо Арчибальда изобразило сомнение, потом что-то в нём неуловимо изменилось. Воронцов догадался, что робот переходит на иной уровень *личности*, подключаясь, возможно, к ранее недоступным ему структурам Замка. В принципе так меняется обычный человек, вдруг получивший известие, что сего числа он произведён в высший чин с соответствующим изменением функций и статуса. Был, допустим, камер-юнкером и вдруг стал камергером².

Тон голоса у андроида тоже стал другим.

— Я не уверен, что тебе сейчас нужно знать всё это в подробностях. Мне кажется, время ещё не пришло, и от лишней информации будет больше вреда, чем пользы... — так и есть, это нотки очевидно *надмирного* происхождения.

— Мы же знаем о Держателях, Игроках, Ловушках...

— А что вы знаете? — несколько даже вкрадчиво спросил Арчибальд.

¹ Одна из так называемых *апорий Зенона*. «В деревне живёт цирюльник, который бреет всех, кто не бреется сам. Кто бреет цирюльника?»

² Камер-юнкер — младшее придворное звание для лиц, имевших чин V—VIII (применительно к армии: майор — полковник) классов, камергер — старшее придворное звание для лиц III и IV классов (генерал-майор — генерал-лейтенант). Действительный камергер — высший придворный чин I—II классов (полный генерал — генерал-фельдмаршал). Так что зря Пушкин возмущался, что царь ему «камер-юнкера» дал. В тридцать лет майор — совсем неплохо. Лермонтов армейским поручиком умер. Гумилёв тоже.

И Воронцову пришлось покаянно развести руками. Но всё равно не смолчал: «Ничего. И то не всё». Шутка — она есть признак самообладания и адекватного отношения к окружающему.

Арчибальд сдержанно хохотнул.

— Так я и не настаиваю, чтобы ты мне сейчас всю мировую подноготную открыл, — уточнил свою позицию Воронцов. — Вспомни имя *сильного мира*, которое для Уоллеса окажется настолько авторитетным, что других вопросов не возникнет. Пусть оно будет даже несколько легендарным, это не важно. А меня пусть воспримут, грубо говоря, *тринадцатым сионским мудрецом*.

Арчибальд опять издал звук, будто подавляя очередное желание рассмеяться в голос.

— Я с самого начала понял, что ты очень остроумный и... свободный от условностей человек. И когда с Антоном разговаривал, и когда... со мной.

— А чего теряться? Такой уж уродился. Правда, *земному* начальству это, в отличие от тебя, не сильно нравилось.

— Ну, адмиральских чинов ты всё же достиг, и гораздо раньше, чем в прошлой жизни.

— Это да, — согласился Дмитрий. Останься он служить дальше, больше, чем кап-два, ему ни за что не дали бы. Ну, на самый крайний вариант — кап-раз при выходе в отставку.

— Но как всё же с моим пожеланием? Есть такой человек или группа людей, в достаточной мере известных премьеру? Или вы его играете

вёмную и клуб для него — альфа и омега мировой политики?

— Разумеется есть. И премьер Англии знает, что он есть, хотя с ним лично никогда и не встречался. Но как раз это совсем не существенно. Небольшого напоминания будет достаточно. Ты правильно сообразил: на определённом уровне каждый, признанный достойным быть допущенным к «свободным выборам» или к назначению на ключевую должность, получает свою долю «мировых тайн». К мнению членов «Хантер-клуба» просто *прислушиваются*, и только в Англии, но есть имена, при упоминании которых самые самоуверенные лидеры теряют всякий кураж. Тебе ведь приходилось видеть, как главы великих, причём конфронтующих держав непонятным образом действуют в унисон и, что очевидно для всех *понимающих* — во вред своим же государствам?

— Очевидно для всех, но никто не удивляется, — кивнул Воронцов. — Всегда найдутся «независимые эксперты», которые объяснят смысл происходящего с десятка точек зрения, кроме верной...

— А если кто случайно назовёт истинную причину, тут же наготове стандартный набор методик, от обвинения в «конспирологии» до многозначительного — «Политика — это искусство возможного».

— Бывает — и пуля в голову...